

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Е.Н. БЕКАСОВА

*(Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия)*

РЕГИСТРЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ П.И. РЫЧКОВА: ЛЕТОПИСНО-КАНЦЕЛЯРСКИЙ НАСТРОЙ

Аннотация: В статье рассматриваются языковые особенности сочинений первого член-корреспондента Российской Академии наук П.И. Рычкова, который реализовал себя не только как учёный в известном научном труде «Топография Оренбургской губернии», но и как Член Оренбургской Губернской Канцелярии в многочисленных реляциях, экстрактах и определениях, автор высоко оценённой А.С. Пушкиным «Оренбургской летописи» Пугачёвского бунта и замечательных семейных записок, что позволяет определить регистры воплощения одной из ярчайших языковых личностей в координатах формирования литературного языка XVIII в.

Ключевые слова: Русский литературный язык национального периода. Языковая личность. П.И. Рычков. Официально-деловой и научный стили. Язык духовного завещания.

Мощное и стремительное, во многом революционное становление русского национального литературного языка в период XVIII в. заслуживает особого внимания. Различным аспектам проблемы становления нового литературного языка посвящены труды выдающихся русских языковедов: А.А. Шахматова, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Б.Н. Ларина, С.П. Обнорского, Л.П. Якубинского и др. Однако качественный и количественный «взрыв» системы языка до настоящего времени не только не объяснён, но и описан недостаточно. Современная научная парадигма требует пересмотра основных положений интенсивного формирования языковой системы и роли языковой личности в устранении двуязычия, в установлении единой литературной нормы и синтезе элементов функциональных типов языка.

Как правило, ответы на вопрос, *как строился новый литературный язык*, искали в исследованиях произведений известных писателей и филологов-теоретиков того времени. Однако твор-

чество А. Кантемира, В.К. Тредиаковского, А.П. Сумарокова, Д.И. Фонвизина, теория «трёх штилей» М.В. Ломоносова и «новый слог» Н.М. Карамзина, показывая магистральные пути развития литературного языка, не исчерпывают всё богатство формирующегося языка национальной эпохи. Определённая тенденциозность в своём видении языка литературы становится причиной не только серьёзных разногласий между писателями и дискуссий о языке (достаточно вспомнить «великие битвы» В.К. Тредиаковского и А.П. Сумарокова, «карамзинистов» и «шишковистов»), но и заблуждений исследователей в установлении объективной картины развития литературного языка в пёстрой путанице направлений, мод, «элегантных» и «мещанских» языков, салонных причуд и канцелярской формальности, круговерти просторечной, церковнославянской и западноевропейской стихий. Однако надо помнить, что за выдающимися, изысканными, пышными, вычурными, модными и эклектичными фасадами всегда была реальная жизнь русского языка, из которой и выкладывалось будущее здание его литературной страты. Своеобразие авторских подходов – старых и новых, творческих и ординарных, лапидарных и изощрённых – позволяет выявить особенность языка как «органа внутреннего бытия человека» и выразителя «национального духа народа», когда практическая деятельность людей, согласно взглядам В. Гумбольдта, подчиняется языку как творцу существующего мира [Гумбольдт 1984: 86-87]. В связи с этим необходимо подойти к изучению реального воплощения языка и автора в тексте. Данное обстоятельство позволяет не только охватить дух эпохи по разным фактам языка, но и механизмы преобразования внешнего мира этносом и определённой языковой личностью, при этом необходимо также рассматривать материалы, несущие информацию о специфике мировосприятия, ценностных ориентациях и особенностях речевого поведения языковой личности, в том числе «периферийной», «второго плана», которая формировалась и реализовалась вне столичных дискурсов и практик.

К таким личностям, бесспорно, относится Пётр Иванович Рычков – первый (1759 г.) и единственный в течение двадцати лет член-корреспондент Российской Академии. Языковая личность П.И. Рычкова заслуживает особого внимания и потому,

что практически вся его творческая судьба проходила в обширнейшем Оренбургском крае, где он по роду своей деятельности был погружён, с одной стороны, в смешение и богатство языков и диалектов, предоставивших впоследствии В.И. Далю уникальную возможность значительно пополнить сокровищницу живого великорусского языка, с другой – в стандартные и обеднённые в языковом отношении канцелярские бумаги, с третьей – в поиски языкового воплощения научных разысканий – по меткому выражению А.С. Пушкина – «младенствующего» стиля и неразработанных жанров.

Значимость языковой личности П.И. Рычкова определяется также отношением к его печатному и рукописному наследию А.С. Пушкина, который не только уважительно и подчёркнуто называет его академиком, но и нередко акцентирует внимание на «подлинных словах Рычкова» [Пушкин 1994: 501]. Не случайно А.С. Пушкин в приложении «Истории пугачёвского бунта», состоящем из материалов и документов, публикует труды П.И. Рычкова, на которые постоянно ссылается. «Баснословия» П.И. Рычкова настолько интересны поэту-историку, что он спрашивает у друзей и знакомых неизвестные ему списки рукописи П.И. Рычкова и находит новые для себя подробности осады Оренбурга.

Востребованными оказались сочинения П.И. Рычкова и после А.С. Пушкина, о чём свидетельствуют публикации XIX-XXI вв. Как справедливо отмечает И.С. Уханов, «Пётр Рычков и сам не предполагал, что многие его дневниковые записки, исторические экстракты, географические справки, этнографические и экономические заметки волею случая, а точнее сказать, насущной потребностью времени однажды сольются воедино и составят большое уникальное произведение» [Уханов 2005: 67].

«Исправление секретарской должности» требовало от П.И. Рычкова профессионального знания особенностей текстов административно-канцелярской разновидности официально-делового стиля, причём отнюдь не провинциального толка. Член Оренбургской Губернской Канцелярии, неотлучно находящийся при губернаторах, участвующий «в решении всех важных вопросов внутренней и внешней политики» [Матвиевская 2012: 277], должен был составлять тексты, которые принимал Прави-

тельствующий Сенат. Такое положение определяло стабильность и значительную обработанность форм выражения, проявляющуюся в сложившихся в речевой практике делопроизводства канцеляризма и устойчивых трафаретах, которые достаточно прочно утверждаются во всех трудах П.И. Рычкова, в том числе и его знаменитых «Записках». Однако специфика деятельности П.И. Рычкова как «товарища при господине тайном советнике по знанию Оренбургской губернии» [Записки 1905: 309] требовала творческого подхода к деловому языку в связи с особенностями содержания: «Коль важные и до того никогда еще не бывшие в сих делах случаи с начала ныняшняго 1758 года оказались из Азиатских стран, а особливо со стороны Китайского государства, сколько было моего труда и попечения в управлении оных дел, какие представления учинены в предосторожность государственного интереса, и какие получены были на представления наши в апробацию указы, о том упоминать здесь потребности нет. Ясно все то в указах ... и имеющихся в Оренбургской губернской канцелярии в секретной экспедиции; то только означаю для знания, что, будучи тем моим трудом довольны, в учрежденную при дворе Ея Величества конференцию учредили о мне представление, с милостивою рекомендацією» [Записки 1905: 312].

Государственный уровень деловых бумаг, составляемых П.И. Рычковым на службе, благотворно отражается на его «домашних» научных изысканиях, которые при широчайшей амплитуде колебания языка того времени – от тяжёлой славенщины до низовой бытовой лексики – характеризуются той стилистической выдержанностью среднего стиля, которую пропишет М.В. Ломоносов в своей великой реформе литературного языка. В этом плане показателен текст «Топографии Оренбургской губернии», где П.И. Рычков прибегает к типичному для канцелярского языка формуляру и набору языковых средств и для утверждения верности своей научной позиции («Ежели кто похочет всё вышеперечисленное с тем сличить, что в «Примечаниях» Академии наук 1734 г. по № 28, 29, 30 и 31 .... показано, то подлинно в описании обоих оных народов окажутся немалые разности; но мы в доказательство вышеописанным ссылаемся на нынешнее обоих тех народов состояние; ибо писано то самое, о

чём от самих тех народов, тако ж и от бывалых там людей, в разные времена уведомлялось» [Рычков 1999: 87]), и для изложения легенды о начале уральских казаков, которую не только тщательно читал А.П. Пушкин, но и неоднократно цитировал в своей «Истории Пугачёва» [Пушкин 1994: 500-502].

В сочинениях П.И. Рычкова отсутствуют не только церковнославянские «неупотребительные и весьма обветшалые» слова [Ломоносов 1980: 396], но и в принципе нет установок на церковнославянскую стихию. Это особенно показательно при сопоставлении «Записок» П.И. Рычкова и «Духовной» В.Н. Татищева. «Духовная» относится к поучению человека, облечённого властью, весьма категоричного, выстраивающего своё духовное завещание на многочисленных цитатах из Священного писания с точным указанием источника. Каждое положение или вытекает из божественного писания, или им же подтверждается. Сложно поверить, что это духовное завещание «птенца Петрова», чиновника высокого ранга, а не религиозное слово духовного иерарха, который, как и предписывает религиозное поучение, начинает со слов «Любезный мой сыне *“Егда юн бе, поясаше и хождаше...”*», утверждает, что «главнейшее есть вера», и заканчивает опасениями ереси «папистов» [Татищев 2010: 160, 165, 177].

П.И. Рычков свою «собственную и домашнюю историю» [Записки 1905: 289] выстраивает в подражание переведённому и опубликованному им письму Сократа, где дан «образ такого отца, которого дети должны следовать, ежели хотят быть честны и добродетельны ... и во всех своих поступках подражать» [там же: 290]. *Следовать* и *подражать* – вот главное наставление Рычкова-отца своим детям, отсюда и главный завет – «тщательно и трудолюбно во всех случаях с несомненною надеждою Божеской и монаршеской милости наблюдать и исполнять простую пословицу: *За Богом молитва, а за царем служба никогда не пропадет*» [там же: 304]. Небольшая назидательная часть «Записок» выдержана в стилистике чёткого и ясного языка, без славенской напыщенности и церковной нравоучительности: «Я к нажиткам и богатству страстно не был прелеплен» [там же: 291]; «предками своими тщеславиться нельзя и не должно, однако ж и причины стыдиться нет, хотя бы кто и подлостью, хотя бы кто из незнания и подлости вас попрекнул. <...> Подлинно в

предках наших (сколько я ведаю) не только бояр и генералов, но и полководцев не было, однако ж не все генералы от генералов рождаются» [там же: 292-293] и под.

И если «Топографию» можно с полным правом рассматривать как летопись Оренбургского края со всеми атрибутами введения несторовской Повести временных лет – *откуда есть пошла* Оренбургская губерния, *кто нача первее управлять, и откуда* Оренбургская земля стала есть, – с обстоятельными географическими, этнографическими, историческими и лингвистическими сведениями, то «Записки» являют строгий хронограф семьи Рычкова с прозрачностью погодных статей древнерусских летописей. В этих записях на первый план выдвигается событие – *со-бытие* главной пословицы жизни П.И. Рычкова, которое после исчерпывающего его описания и повествования не требует каких-либо комментариев, а если в них и появляется необходимость, то они ограничиваются объективной лаконичностью летописца: «14 числа сего месяца, т.е. в день Воздвиженья Честнаго и Животворящаго Креста Господня, по благословению Святейшаго Правительствующаго Синода члена Гавриила <...> заложена в селе Спасское каменная церковь во имя Преображения господня, по рисунку обретавшегося в Оренбурге архитектора Мюллера» [там же: 311]; «В сем же 1758-м году Августа 6-го числа даровал мне Бог дочь и наречена была Натальею; она скончалась, пожив около трех месяцев, а именно 9-го числа Ноября сего года» [там же: 311] и под.

Весьма скупы и по-деловому сухи заметки о рождениях (перечисляются обстоятельства рождения, даты крестин, полные сведения о крестных) и смертях, однако и здесь соблюдаются сложившиеся традиции. Перед нами отнюдь не свидетельство скаредности души, опустошённой канцелярской работой, а скрупулёзное повествование, где незначительно описание радости и особенно горя. Горе-«злополучие» уже само по себе красноречиво. Даже самые трагические моменты своей жизни – потери «любезной» жены и любимого сына Ферапонта («жил 2 года, 10 месяцев и 20 дней») – изложены отработанными в летописи и житийной литературе языковыми средствами: «Она была исполнена доброй веры в Бога, добросердечия и весьма человеколюбива, беспомощным и бедным в нуждах их по возможности

своей помогать всегда старалась, в доме всегда имела попечение» [там же: 305]; «Лицо имел самое нежное и белое, глаза большие, серые, волосы бледные. Терпение ... скромность, ко всем с ласкою, послушание и мысли много нас удивляли» [там же: 311] и др. Практически полное отсутствие продуцирования собственного текста создаёт канонически типичные образы идеально-положительных персонажей, что делает излишним все рассуждения и описания, в том числе горечи потери. В этом проявлялось веками отработанное в древнерусских памятниках письменности отвлечённое обобщение многообразия жизни, когда «индивидуальное» (неповторимое) поглощается «типическим» (повторяющимся), а «мелкие», но весьма важные современному человеку подробности, которые составляют лик и личность, оказываются ненужными.

Такая же средневековая манера наблюдается при описании других жизненных потрясений автора, где фактологическая составляющая всегда превалирует над эмоциями. Так, например, запись о первых родах второй жены – «14 часов престокой и мучительной болезни» – сопровождается замечанием в скобках: «чем меня, по причине покойной Анисьи Прокофьевны [умерла в родах. – *Е.Б.*], в отчаяние было жизни моей привела» [там же: 309], а радость утопает в необходимых, по мнению П.И. Рычкова, протокольных обстоятельствах: «В 1753-м году Генваря 24-го числа немало обрадован я полученным из Государственной Военной коллегии указом, по которому старший мой сын Андрей с 25-го Апреля прошлого года в офицеры прапорщиком пожалован, на 14 году от рождения его. Он, уповаю, не забудет, сколько у меня было радостных слёз» [там же: 308].

Такое построение текста весьма похоже не только на летописные статьи, но и на прозу А.С. Пушкина (правда, без утомительных для стороннего читателя, но важных для семейной хроники документальных подробностей). Видимо, неслучайно А.С. Пушкин охотно, даже с элементами филологического анализа, воспроизводит тексты Рычкова, например, при описании встречи «отца убитого симбирского коменданта» (того самого Андрея, успехам которого до слёз всегда радовался Рычков) с Пугачёвым: «Пугачёв ел уху на деревянном блюде. Увидя Рычкова, он сказал ему: «Добро пожаловать», – и пригласил его с

ним отобедать. «Из чего, – пишет академик, – я познал его подлый дух». Рычков спросил его, как он мог отважиться на такие великие злодеяния? – Пугачёв отвечал: «Виноват перед Богом и государыней, но буду стараться заслужить все мои вины». И поддержал слова свои божбою (по подлости своей, опять замечает Рычков). Говоря о сыне, Рычков не мог удержаться от слёз; Пугачёв, глядя на него, сам заплакал» [Пушкин 1994: 496]. Перевитые контексты Пушкина и Рычкова равноценны и поэтому сливаются в единый текст той «нагой простоты», о которой А. Ахматова писала по отношению к нашему великому поэту. Для А.С. Пушкина важны глубокая внутренняя боль отца, не сумевшего сдержать перед злодеем слёз, его благородное достоинство, поднявшее Рычкова над личной трагедией и приведшее к оголению механизмов «великих злодеяний», в противопоставлении и противодействии подлomu злодею. Подлomu не столько по статусу «из мужика в цари», сколько по природе своей, трижды проявляющейся при встрече с Рычковым. С полным правом свидетельство Рычкова становится для Пушкина ключевым в раскрытии феномена Пугачёва.

Ровный и на первый взгляд сухой штиль П.И. Рычкова был отражением позиции автора – отца семейства, со «всевозможной равностью» [Ломоносов 1980: 396] передающего события по летам, оценённым как благоприятные, благополучные или злополучные, то есть в координатах блага и зла и тех категорий, в которые вписывалась и до сих пор вписывается жизнь человека, и где «требуется обыкновенное человеческое слово» [там же]. «Периферийный», без всяких претензий «домашний» язык П.И. Рычкова отражал не только традиции прошлого, но и перспективы развития литературного языка, ибо впитал в себя достижения русского летописания, соединившего деловитость с прелестью и достоинством обычной человеческой жизни, переданной «неложно и беспристрастно» [Записки 1905: 289].

ЛИТЕРАТУРА

- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
Записки Петра Ивановича Рычкова // Русский архив. – № 11. – 1905.

Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // М.В. Ломоносов. Избранная проза. – М., 1980.

Матвиевская Г.П. Ломоносов оренбургского края. К 300-летию со дня рождения П.И. Рычкова // Гостиный двор. №40, сентябрь 2012.

Пушкин А.С. История Пугачёва // Собрание сочинений в пяти томах. Т. V. – Санкт-Петербург, 1994.

Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Уфа, 1999.

Татищев В.Н. Духовная // В.Н. Татищев. Избранные труды. – М., 2010.

Уханов И.С. Сокровища асессора Рычкова. Проза. Публицистика. – М., 2005.